

*Сафонов Александр Александрович,
профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Россия),
доктор юридических наук, профессор,
asafonov@hse.ru*

**Тезисы научного доклада на конференции «Религия и Государственность»
(Университет Ниццы – Софии Антиполис, 10-11 октября 2013 г.)**

Право на свободу совести и вероисповедания в общественном дискурсе России конца XIX – начала XX в. (взгляд историка права)

Введение

В современной научной литературе наблюдается устойчивый интерес к проблеме реализации гражданских прав и свобод в Российской империи. В перечне проблем, поддерживающих накал дискуссий, находится вопрос о кризисе имперской вероисповедной системы на рубеже XIX – XX вв. и способности российского общества адаптироваться к современным реалиям религиозной жизни.

Признавая справедливость заключений о слабой укорененности идеологии и институтов гражданского общества в России начала XX в., следует отметить высокий уровень интереса российской образованной общественности к вопросам введения гражданского равноправия, политических свобод, реформирования политической системы. Так, Д. Вортенвейлер, обратившийся к исследованию идеологию российской профессуры, справедливо отмечает, что идеи и ценности гражданского общества были характерны для либеральной профессуры дореволюционного времени и либеральной общественной мысли в целом. Они явно присутствовали в научных и публицистических работах академической элиты России, для которой требования гражданских и политических свобод были близки по духу.

Ярким тому свидетельством стала полемика по вопросам о свободе совести и государственно-конфессиональных отношениях, развернувшаяся в российском обществе на рубеже XIX-XX вв. Понимание кризиса вероисповедной системы империи объединило различные общественные силы (представителей религиозных конфессий, светского общества, бюрократии), которые предлагали свои варианты выхода из «тупика», проявившиеся в общественных дискуссиях, публикациях в

печати, откликах виднейших представителей Православной церкви и иных исповеданий, проектах политических партий, законодательных инициативах правительства и Государственной думы.

1. Общие замечания о принципах вероисповедной политики имперской России

Основы российской вероисповедной системы были заложены в XVIII – первой половине XIX в. Этот период явился временем мощного территориального роста России, превращения ее в имперское полиэтничное и поликонфессиональное государство. Население присоединенных к России западных областей включало католиков, протестантов, униатов и иудеев. Расширение империи на юг, до Черного и Азовского морей, означало вхождение в ее состав населения степных областей, заселявшихся со второй половины XVIII в. немецкими колонистами, принадлежавшими к различным евангелическим общинам. Территориальные приращения на востоке пополнили население империи мусульманами и язычниками.

Действуя в условиях усложнявшейся национально-конфессиональной конфигурации Российской империи, правители XVIII-XIX вв. осуществляли поиск правовых форм общественного устройства, позволявших, включая в состав империи новые народы, сохранять господствующее положение титульной (русской) нации и Русской православной церкви (далее – РПЦ). Религиозные скрепы явились основой единства обширной многонациональной Российской империи, важным фактором ее социальной стабильности, позволяя, с одной стороны, интегрировать в состав империи новые этнические группы, включить их в рамки имперской системы государственного управления, с другой, ограждать интересы русской нации и противостоять тенденции к расширению влияния наций и народностей «подчиненных».

Возникновение новых религиозных движений, выросших не на почве нации (народности), а на основе духовных потребностей общества, государством не приветствовалось и строго пресекалось: религиозная терпимость распространялась лишь на исторически сложившиеся национальные группы. В правовом отношении вероисповедная система империи строилась по принципу православного конфессионализма, в

соответствии с которым законодательно закреплялись преимущества РПЦ перед другими вероисповеданиями, ее монопольное право на пропаганду своего вероучения, привилегированное положение в различных областях государственной и общественной жизни, поощрение переходов в Православие из других вероисповеданий и др.

Важно отметить, что практика признания государственной церкви имела место и в других странах. Так, в Англии на протяжении длительного времени законодательно ограничивались права католиков. Они платили налог в пользу Англиканской церкви и не могли занимать государственные должности. Запрет на участие католиков в парламентских выборах был отменен только в 1829 г. В скандинавских странах закон оставлял за рамками политической жизни всех, кто не принадлежал к государственной церкви. В Дании в 1866 г., а в Швеции в 1868 и 1873 гг. были приняты законы против деятельности свободных церквей, отстаивавших независимость от господствующей лютеранской церкви. В Швеции закон о свободе вероисповеданий, уравнивший свободные церкви в правах с государственной, был принят только в 1951 г.

Направление конфессиональной политики Российской империи на каждом отдельном историческом отрезке формировалось с учетом личности монарха, занимавшего престол, его мировоззрения, культуры, воспитания, проводимого им внутри- и внешнеполитического курса. Между тем стоявшие перед российскими монархами задачи строительства и укрепления империи и охранения господствующей православной веры решались ими преимущественно посредством проведения политики христианизации и русификации, призванной укрепить русское влияние в центре и на окраинах империи и не допустить роста национально-регионального сепаратизма.

Внутренняя политика большинства царствований в той или иной мере соответствовала принципу веротерпимости. Однако задача создания конфессионально единообразной империи, от которой российские монархи принципиально не отказывались, нередко приводила к принятию дискриминационных мер в отношении неправославных конфессий.

В итоге, к началу XX в. на окраинах Российской империи скопился значительный контингент людей, лишенных нормальной религиозной

жизни и недовольных вероисповедной политикой правительства. Религиозные ограничения отталкивали от правительства людей, лояльно к нему относившихся, переключали религиозное брожение в форму социального и политического протеста. Примером могут служить вооруженные восстания под руководством духовенства в Туркестане. Андиганское восстание 1898 г. вызвало большую тревогу властей, заставило их сомневаться в правильности курса на «игнорирование» ислама.

2. Религиозная свобода в правовой и общественной мысли России

В ходе полемики о религиозной свободе и веротерпимости, развернувшейся в российском обществе на рубеже XIX – XX вв., оформилось два основных подхода к оценке состояния законодательства и государственной политики в сфере религиозной свободы. Первая позиция состояла в утверждении, что российское законодательство обеспечивало достаточную свободу веры всем, не принадлежащим к РПЦ. Имевшиеся правовые ограничения по отношению к неправославным конфессиям отвечали реальному состоянию религиозной жизни русского народа, его историческому опыту, и должны быть сохранены. Сторонники иной точки зрения указывали на существующее неравенство в положении конфессий и ограничение гражданских прав подданных по вероисповедному признаку, считали необходимым реформировать российское законодательство и изменить вектор конфессиональной политики государства в направлении введения действительной религиозной свободы.

Правовые и общественно-политические издания начала XX в. публиковали значительное количество статей, разъясняющих содержание свободы совести и оценивающих российское законодательство с точки зрения возможностей для его осуществления. Заметный вклад в формирование представлений российского общества и правительственной бюрократии о свободе совести внесли ученые-юристы, принадлежавшие к либеральному направлению отечественной юридической науки. Среди них следует особо отметить профессора права Томского университета М.А. Рейснера, считавшегося авторитетным специалистом в вопросах государственно-церковных отношений, и приват-доцента Московского

университета С.В. Познышева, научные интересы которого были сосредоточены в области законодательства о религиозных преступлениях.

Лейтмотивом научных и публицистических трудов либеральных юристов служила мысль, высказанная М.А. Рейснером в работе «Государство и верующая личность». Он утверждал, что принцип веротерпимости, положенный в основу религиозного законодательства, не отвечал более потребностям развития российского государства и церковности и подлежал замене принципом свободы совести. Осуществление свободы совести связывалось с утверждением правового государства, формирующего свободную нравственную личность и признающего свободу вероисповедания фундаментальным и природным правом. Несостоятельным в условиях правового государства признавался тип государственной охраны религий, предписывавший либо запрещавший гражданам их верования и каравший за отступление от религиозных предписаний мерами уголовно-правового характера.

Необходимо отметить влияние на российскую правовую мысль исторического опыта и правовой традиции стран Западной Европы и США, осуществлявших переход от конфессионального государства к светскому, начиная с конца XVII в. На Западе движение в пользу установления свободы совести являлось составной частью более широкого процесса перехода к демократии. Большинство конституционных актов, гарантировавших свободу вероисповедания и устанавливавших равенство прав граждан вне зависимости от их религиозной принадлежности, принимались либо в ходе буржуазных революций (Великой французской революции 1789 г., Бельгийской революции 1830 г., европейских революций 1848-1849 гг.), либо в комплексе с мерами, обеспечивавшими демократизацию общества и государства. В итоге, к концу XIX столетия веротерпимость, как основа религиозного законодательства, сохранялась, не считая Российской империи, только в двух европейских регионах – Скандинавии и на Пиренейском полуострове.

Повышенное внимание конфессиональным вопросам в контексте религиозной свободы уделялось и в российской консервативной мысли. Однако, учитывая тесную взаимосвязь Церкви и государства, они строили свои концепции церковных преобразований с расчетом сохранения основ

самодержавного монархического строя. Основные постулаты консервативной программы состояли в следующем: 1) освобождение церковной жизни от диктата государственной власти; 2) восстановление патриаршества; 3) борьба с бюрократизацией Церкви посредством введения в церковное самоуправление выборного начала; 4) укрепление авторитета православного духовенства; 5) сотрудничество со старообрядцами и мусульманами на платформе борьбы с революционерами, сектантами и атеистами.

Общий подход консерваторов к проблеме реализации свободы совести нашел отражение в фундаментальном труде профессора Казанского университета И.С. Бердникова «Наши новые законы и законопроекты о свободе совести» (М., 1914), в котором он, обосновывая необходимость преобразований внутри Православной церкви, тем не менее, утверждает необходимость сохранения системы веротерпимости, а не свободы совести, как основополагающего принципа государственной религиозной политики. По вопросам веротерпимости, свободы совести, церковной реформы в это время высказывались многие представители консервативного направления русской общественной мысли, в том числе митрополит Антоний (Вадковский) и архиепископ Антоний (Храповицкий), философы Л.А. Тихомиров, М.О. Меншиков, А.А. Киреев. Проблемы религиозной свободы обсуждались консерваторами и в рамках более частного вопроса – отношения государства к старообрядцам. Эта тема затрагивалась И.С. Аксаковым, К.Н. Леонтьевым, Ф.М. Достоевским, С.Ф. Шараповым и др.

3. Вопрос о свободе совести в заседаниях Религиозно-философских собраний

Перспективы осуществления в России свободы совести интересовали в изучаемое время не только ученых-юристов, философов и политиков, но и образованное общество в целом. Вопрос о свободе совести был поднят на проходивших в Петербурге в 1901-1903 гг. Религиозно-философских собраниях (далее – РФС), ставших важной вехой в истории русского богоискательства и русской церкви Синодального периода. Здесь встречались и полемизировали светские

церковные деятели – историки церкви, богословы, философы, литераторы, а также профессора и преподаватели духовной школы, представители монашеского и приходского духовенства. Являясь проявлением возросшего интереса российской интеллигенции к религиозно-философским темам, Соборы были призваны смягчить «разъединение и взаимное непонимание» духовенства и светских людей, препятствовавшие конструктивному обсуждению ими вопросов роли и места Церкви в современном им государстве.

Собрания были официально разрешены властью. Вопрос о свободе совести обсуждался на протяжении трех заседаний, происходивших зимой 1901-1902 гг. В собраниях приняли участие многие видные деятели Православной церкви и представители российской культуры ((В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, Н.М. Минский, В.В. Успенский, А.В. Карташев, С.М. Волконский, Л.А. Тихомиров, епископ Сергей (Старгородский) – будущий патриарх, архимандрит Антонин (Грановский) и др.

За всем происходившим на Соборах наблюдал К.П. Победоносцев (влиятельный обер-прокурор Святейшего Синода РПЦ), который все более раздражался ходом дискуссии, утверждаясь в сознании, что собрания превращаются в «говорильню свободолобцев», опасную для государства и для Церкви. Увидев в работе Соборной угрозу существующей форме государственно-церковных отношений, он сделал все, чтобы Соборы были закрыты. Это произошло в апреле 1903 г. Между тем и после своего закрытия Религиозно-философские собрания имели широкий общественный резонанс. Проблемы, обозначенные в ходе дискуссий, широко обсуждались в дальнейшем, как в светской, так и в богословской периодике.

4. Некоторые итоги общественных дискуссий по проблемам реализации религиозной свободы

Таким образом, по мере развития политической культуры населения в период поздней империи устои конфессионального государства, основанного на системе веротерпимости, все менее устраивали российское общество. Неравноправный статус различных конфессий стал

рассматриваться как фактор, ослаблявший целостность государства и формирующий оппозиционные настроения в отношении монархии даже в среде вполне лояльного слоя верующих (старообрядцы, мусульмане и др.).

Свои предложения по модернизации религиозного законодательства представляли правоведаы, общественные и политические деятели, как либерального, так и консервативного направлений. Существенное влияние на подготовку и содержание реформ в религиозной сфере оказала общественная мысль, в рамках которой к началу XX в. была сформирована теоретическая база для обеспечения за российским обществом права свободы совести, реализации его в законодательстве и правоприменительной практике государства.

В итоге, уже в период Первой русской революции необходимость расширения религиозной свободы провозглашалась в значительной части программ политических партий. Границы указанной свободы понимались различно, что предопределило высокий накал дискуссий по конфессиональным вопросам в период разработки законопроектов, нацеленных на реализацию свободы совести в министерствах, Государственной думе и Государственном совете Российской империи. При всех критически оцениваемых результатах, религиозные реформы начала XX в. существенно расширили сферу религиозной свободы в России, став одной из основ формирующегося гражданского общества, а также трансформации РПЦ в независимый от государства общественный институт.

Либеральная модель реформирования вероисповедного законодательства была реализована с приходом к власти Временного правительства в 1917 г. Его постановлениями гражданам Российского государства обеспечивалась свобода совести, свободный переход из одного вероисповедания в другое, отменялись ограничения в правах за религиозные убеждения, узаконивалось внеконфессиональное состояние.